

* Н * В * П *

Н О В А Я П О Э З И Я

ДАНИЛА
Давыдов
НЕНАДЁЖНЫЙ
РАССКАЗЧИК

Н О В О Е
Л И Т Е Р А Т У Р Н О Е
О Б О З Р Е Н И Е

Данила Давыдов
Ненадёжный рассказчик.
Седьмая книга стихов
Серия «Новая поэзия (Новое
литературное обозрение)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68029538

Ненадёжный рассказчик. Седьмая книга стихов (написанное до 24 февраля 2022 года): Новое литературное обозрение; Москва; 2022

ISBN 9785444820674

Аннотация

Карнавальная, частушечная, ерническая стихия соседствует в новой книге Данилы Давыдова с мучительной «постгуманистической» нотой: вопросом о возможности жизни, сознания, мышления и языка на фоне вечного молчания бесконечных пространств и грядущих изменений самой природы человека. В том, как эта тема звучит у автора, есть что-то паскалевское, совмещающее переживание «двух бездн» и яростную попытку преодолеть завроженность ими посредством беспрецедентного вселенского скандала — существования на фоне этих огромных безмолвных пространств в смертных животных телах мыслящего поэтического сознания. Данила Давыдов (р. 1977) живет в Москве. Книги стихов: «Сферы

дополнительного наблюдения» (1996), «Кузнечик» (1997), «Добро» (2002), «Сегодня, нет, вчера» (2006), «Марш людоедов» (2011), «Все-таки непонятно, почему ты не дозвонился», «Нечего пенять», «На ниточках» (все три – 2016), «Новеллино» (2017). Книги прозы «Опыты бессердечия» (1999) и «Не рыба» (2021). Автор многочисленных литературно-критических публикаций, часть которых собрана в книге «Контексты и мифы» (2010). Премии «Дебют» (2000), «ЛитератуРРентген» (2009), «Московский наблюдатель» (2015) и специальный диплом «Anthologia» (2009) за критическую деятельность. Удостоен Международной отметины им. отца русского футуризма Давида Бурлюка, вручаемой Академией Зауми.

Содержание

Две обезьяны, робот и шёпот рептилии

7

Конец ознакомительного фрагмента.

16

Данила Давыдов
Ненадёжный рассказчик.
Седьмая книга стихов
(написанное до
24 февраля 2022 года)

Две обезьяны, робот и шёпот рептилии

Все мои любимые поэты – в той или иной степени панки, и Данила Давыдов тоже. Быть панком в поэзии – это делать что-то трикстерское, нестабильное, парадоксальное в зоне языка и смыслов. Новая книга стихов Данилы называется «Ненадёжный рассказчик». Что такое «ненадёжный рассказчик», кроме известного литературного приёма, когда автор намеренно ведёт повествование от лица, которое может вводить читателя в заблуждение? В случае Данилы ненадёжный рассказчик – это, как мне кажется, рассказчик мерцающий. Мерцающий – в смысле «мерцательности» в работах Дмитрия Пригова и Льва Рубинштейна, использовавших этот термин¹. Мерцательность как ненадёжность может осу-

¹ «МЕРЦАТЕЛЬНОСТЬ – утвердившаяся в последние годы стратегия отстояния художника от текстов, жестов и поведения предполагает временное „влипание“ его в вышеназванные язык, жесты и поведение ровно на то время, чтобы не быть полностью с ними идентифицированным, – и снова „отлетание“ от них в метаточку стратегемы и не „влипание“ в нее на достаточно долгое время, чтобы не быть полностью идентифицированным и с ней, – и называется „мерцательностью“. Полагание себя в зоне между этой точкой и языком, жестом и поведением и является способом художественной манифестации „мерцательности“ (Пригов Д. А. Предупреждение к одному из сборников начала 80-х годов // Словарь терминов московской концептуальной школы / Сост. А. Монастырский. М.: Ad Marginem, 1999. С. 58–59).

ществляться на разных уровнях: как нестабильность смысла, дискурса и субъекта, мерцание между иронией и серьёзностью, между обыденностью и метафизикой, как постоянная игра с контекстом – колебание смысла между тем, что находится внутри некоего контекста и вовне него. Все эти вещи характерны для литературного концептуализма, недаром Данилу Давыдова вместе с рядом других поэтов его поколения относили к постконцептуализму, делая акцент на сочетании у этих авторов элементов концептуалистской поэтики и прямого лирического высказывания. Впрочем, сам этот тип мерцания – между прямым лирическим высказыванием и концептуальной иронией – для меня всегда был значимой составляющей поэтики Дмитрия Пригова, и он сам осмыслял эти вещи в своих поздних работах.

Данила в одном из своих стихотворений отрицает присутствие в его поэзии метафизического измерения и прочего «из этой серии»:

в моих стихах нету метафизического измерения

<...>

и трансцендентального нет

и сакрального нет

и трансперсонального нет

и просто-таки духовного нет

всем присутствующим привет

Но мы помним, что перед нами, во-первых, ненадёжный

рассказчик, а, во-вторых, метафизическое измерение тоже может быть ненадёжным, колеблющимся, может так проступить сквозь обыденное, что будет всегда непонятно – есть оно или просто кажется, как некий намёк, эффект, мерцание. И, мне кажется, для субъекта этих стихов сохранение мерцания и отсутствие «окончательной ясности» – принципиально важно:

*в тот момент
когда перестал ловить рыбу в мутной воде
он встал за станок
или взял оружие*

Я выделяю – очень грубо – для себя две стратегии современных типов письма: поэзию, стремящуюся к выражению невыразимого, того, что находится за пределами языка, преображающую язык через этот опыт, и поэзию аналитическую, исследовательскую, ориентированную на работу с обыденным языком, в фокусе внимания которой, в первую очередь, именно язык и связанные с ним социальные контексты. И мне кажется, поэзия Даниила Давыдова выполняет своего рода связующую роль между этими стратегиями и «питается» напряжением, возникающим между ними. Такой внутренний конфликт между языком и невыразимым, позитивизмом и, скажем так, доступом к Иному, в первую очередь, напоминает проблематику «Логико-философского трактата» Людвиг Витгенштейна. Даже не столько пробле-

матику, сколько заданную этим способом мышления систему координат. Я помню, что много лет назад, в первой половине нулевых годов, когда мы с Даниилой познакомились, мы в разговорах как-то затрагивали эти темы и упоминали Людвига Витгенштейна, а потом однажды утром после встречи Нового года в Мытищах, году уже в 2015-м, я помню, как Данила Давыдов и поэт Андрей Полонский ожесточённо спорили о том, как правильно понимать фразу Витгенштейна «О чём невозможно говорить, о том следует молчать».

С того же самого момента нашего знакомства (2004 год, скорее всего) я всегда узнаю интонацию и ритм стихов Даниилы, эту нарочитую неровность и театральную неловкость формы, с примитивистскими и наивными вкраплениями, отголосками как вышеупомянутого концептуализма, так и обэриутов, лианозовцев, – я бы сказала, что эти стихи в принципе учитывают опыт неподцензурной поэзии в её самых разных изводах, даже внешне как бы не очень близких автору, вплоть до капризных ломаных интонаций и поэтического юродства Елены Шварц.

Кроме того, мне кажется, что в поэтике Даниилы присутствует и то, что он сам назвал применительно к другим авторам «некроинфантилизмом» (экзистенциальный ужас перед смертью и небытием, провоцирующий поэта на «детскую» оптику и «детскую» речь). И, безусловно, контекст поэтики Даниилы Давыдова – это также ряд других замечательных и в разной степени поколенчески близких ему поэтов: Анна Го-

ренко, Шиш Брянский, Марианна Гейде, Ирина Шостаковская, Виктор Іванів... Поэтов, которые входили в литературу на сломе тысячелетий и сталкивались со сходными ощущениями, задачами и, пожалуй, сходной потерянностью:

*мы смерть зовём, хотя зачем зовём,
когда она и так повсюду ходит.*

*мы с ней играем. каждый о своём,
хотя и взрослые, казалось б, люди*

...

*но там уже, надеюсь, мы не пешки,
не представители каких-либо систем.*

идем, грызем небесные орешки.

Іванів, Колчев, Горенко со мной.

Сам этот контекст — для меня очень родной. Я немного моложе указанных поэтов, но стала публиковаться в начале нулевых, в 17 лет, и тоже оказалась внутри именно этого контекста и соотносила себя с ним, и позднее, когда мои фактические ровесники заявили о себе как о поэтах, я часто ловила себя на ощущении, что поэтически мне ближе те, кто был немного старше и со многими из которых мы начинали одновременно. И в те годы Данила Давыдов был именно тем человеком, который собирал и выстраивал поле новой поэзии, он потрясал невероятной эрудицией, знал всё, читал всех. Всегда подчёркивал свой научный, «позитивистский» взгляд на вещи, но при этом мог горячо любить стихи, в ко-

торых на первый план выходила метафизика, миф, религиозные мотивы и пр.

Интонация стихов Данилы действительно странная, уникальная. Порождена она, как мне кажется, ужасом. Тем самым, экзистенциальным. Эта интонация иногда нарочито «умничает» – заговаривает ужас, стремится держать ужас в рамках путём усиления научно-остранённой составляющей. Корявость и наукообразие его рифмованной речи, её концептуалистские обертона выглядят именно как растерянность перед ужасным и волшебным, попытка говорения поверх всепожирающего ничто. Отсюда появляются в стихах Данилы все эти завиральные конструкции рассуждений о языке. Здесь вспоминаются и Введенский, и Пригов, и Шкловский. Остранение в поэтике Данилы, как ему и подобает, работает на слом автоматизма восприятия, порой вышибает почву под ногами, заставляет пережить удивление. Рифмы вместе с остранённой интонацией часто подчёркивают афористичность текстов Данилы, превращают их в своеобразные афоризмы-парадоксы. И сам язык, и остранение, и встроенная в эти тексты ирония, и элементы аналитической, исследовательской оптики, – один из способов ответа на ужас. Параллельно у Давыдова существует другой способ ответа на ужас – вдруг возникает что-то наивное, (некро)инфантильное, и часто именно в таких местах отчётливей всего ощущается лирическое начало, та самая беззащитность и непосредственность лирического высказывания, которая

тоже мерцает между искренностью и приёмом, и, возможно, парадоксальным образом прибегает к этому «детскому» и примитивному языку как к своего рода опосредованию.

Я думаю, что именно синтез и конфликт остранинно-научного и инфантильно-лирического создаёт уникальность интонации Данилы. Со стороны остранинно-научного – аналитическая философия языка и разные другие современные дискурсивные пространства. Со стороны инфантильно-лирического – рифма и перебивчивый ритм, превращающие философскую лирику в страшные считалки, в которых проявляется то, что за пределами языка. Синтез и конфликт остранинно-научного и инфантильно-лирического и есть те самые витгенштейнианские отношения языка и невыразимого.

Если брать современное отечественное культурное поле, интересно, что у Данилы Давыдова, на мой взгляд, есть ряд пересечений именно на уровне общих базовых координат мысли с филологом и философом Вадимом Рудневым. Руднев тоже опирается на аналитическую философию языка и так же она у него оказывается способом говорить об ужасе и других экзистенциальных вещах. Хотя Данила, как мне кажется, больше пытается оставаться в рамках позитивно-научных координат мысли, тогда как у Вадима к витгенштейнианской проблематике добавляется психоанализ, и он часто пишет свои книги свободным потоком ассоциаций.

Неуверенность, шаткость, ненадёжность субъекта и его

речи, постоянное усилие осмысления отношения слов и вещей и вообще огромная воля к познанию, маска условного «позитивизма» и экзистенциальный ужас, проблески высокого, «классического» штиля в сочетании с чем-то наивным, детским, испуганным, потерянным и маргинальным, покорёженным и покоцанным, «утомлённая привычность иронии», артистическая лёгкая небрежность владения словом, парадоксальность мышления, изящество, ум и образованность, стоящие за этими стихами, и, простите за выражение, точность и глубина синхронизированной с поэзисом мысли (лингвистически-философски-экзистенциально-социально-антропологической), – так бы я описала своё впечатление от стихов Даниила Давыдова. Его взгляд как бы видит всё надвое и мерцает между этими возможностями видения: через детерминизм и через непостижимое. А пластичность его языка оказывается способна выдерживать недюжинную содержательную плотность этих стихов.

В стихах Даниила чувствуется постоянный диалог с контекстом. Это не те стихи, которые пишутся без оглядки на контекст, наоборот – с постоянным его учётом. Данила говорил мне, что хочет указать в подзаголовке книги, что все вошедшие в неё стихи были написаны до 24 февраля 2022 года, так как, по всей видимости, полагает, что с этого момента контекст восприятия стихов радикально изменился. Однако при прочтении рукописи этой книги, я обратила внимание, что многие стихи читаются так, как будто они могли быть на-

писаны уже после, в качестве отклика на текущие события. Есть тексты, как будто абсолютно точно к настоящему моменту подходящие. В действительности же – это стихи в основном последних пяти лет, с включениями ряда более старых текстов в середине книги. Самые ранние из вошедших в сборник стихов были написаны в 2012-м, основная масса – в 2016–2021 годах. Эту книгу Данила собирал долго, несколько лет работал над ней, всё не мог собрать окончательный вариант, и, мне кажется, в итоге получилась продуманная, выстроенная, точно выверенная композиция.

В основном стихи «Ненадёжного рассказчика» – ритмически организованные, рифмованные; периодически возникающие верлибры на их фоне обнажают свою, несколько отличающуюся от основной массы стихов в этой книге, роль: они чаще оказываются стихами-жестами, они более концептуальны, в них больше иронии, прагматики, дискурсивности, прямого высказывания и рефлексии. Они возникают в книге как штрихи-пунктиры, задающие определённую рамку чтения, оформляющие основной массив рифмованных стихов. Вот, например, что говорит субъект этой поэзии о себе в стихотворении под названием «Прямое высказывание», которое одновременно как бы и является прямым высказыванием и показывает его проблематичность:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.